

№ 89.

Ив. Бунинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цѣна 4 коп.

Изданіе
товарищества

„ЗНАНИЕ“.

1906.

Контора т-ва:
Спб., Невскій, 92.

159 / II.

312 в.

ИВ. БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Содержаніе:

	страниц.
1. День гнѣва	3
2. Самсонъ	5
3. Последняя гроза	6
4. Въ плавняхъ	9
5. Косогоръ	10
6. На распутьи	11
7. Разсвѣтъ	14
8. Русская весна	15
9. Диза	16
10. Съ кургана	18
11. Залустѣніе	19

ДЕНЬ ГНѢВА.

Изъ Апокалипсиса, гл. VI.

...И Агнецъ снялъ четвертую печать
И услыхалъ я голосъ, говорившій:
«Возстань.—Смотри!» И я взглянулъ: конь блѣденъ,
На немъ же мощный всадникъ—Смерть. И Адъ
За нею шелъ, и власть у ней была
Надъ четвертью земли—да умерщвляетъ
Мечомъ и голодомъ, моромъ и звѣрями.

И пятую Онъ снялъ печать. И видѣлъ
Я подъ престоломъ души убиенныхъ,
Вопившія: «Доколѣ, о Владыко,
Не судишь ты живущихъ на землѣ
За нашу кровь?»

И были имъ даны
Одежды бѣлоснѣжныя, и было
Имъ сказано: да почиють, покуда
Сотрудники и братья ихъ умрутъ,
Какъ и они, за словеса Господни.

Когда же снялъ шестую Онъ печать,
Взглянулъ я вновь, и вотъ—до основаній
Потрясся міръ, и солнце стало мрачно,
Какъ вретнице, и ликъ луны—какъ кровь;
И звѣзды устремились внизъ, какъ въ бурю
Незрѣлый плодъ смоковницы, и небо
Свилось, какъ свитокъ хартіи, и горы,
Колеблясь, съ мѣста двинулись; и всѣ
Цари земли, вельможи и владыки,
Богатые и сильные, рабы
И вольные—всѣ скрылися въ пещеры,
Въ ущелья горъ, и говорятъ горамъ
И камнямъ ихъ: «Падите и сокройте
Насъ отъ лица Сидящаго на тронѣ
И гнѣва Агнца: ибо настаетъ
Великій день Его всеильной кары!»

САМСОНЪ.

Зрѣніе скрываетъ истину.

В. Гюго.

Былъ ослѣпленъ Самсонъ, былъ Господомъ обиженъ,
Былъ чадами грѣха поруганъ и униженъ
И приведенъ на пиръ. Тамъ, опустивъ къ землѣ
Незрячіе глаза, онъ слушалъ смѣхъ и клики,
Но мгла текла предъ нимъ—и въ этой жуткой мглѣ
Пылали грозные архангельскіе лики.
Они росли, какъ смерчъ,—и вдругъ разверзлась твердь,
Прорѣзалъ тьму глаголь: «Возстань, мой рабъ
любимый!»—
И просіялъ слѣпецъ красой непостижимой,
Задрепеталъ, какъ кедръ, и поблѣднѣлъ, какъ смерть.
О, не плѣвниъ его теперь Ваала хохоть,
Не обольститъ очей ни пурпуръ, ни виссонъ!—
И цѣлый міръ потрясъ громовый гулъ и грохоть:
Зане былъ слѣпъ Самсонъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ГРОЗА.

Не прохладой, не покоемъ,
А истомою и зноемъ
Ночь съ горячихъ пашенъ вѣтъ:
Хлѣбъ во мракѣ noci зрѣтъ.

Обступаютъ осторожно
Небо тучи, и тревожно,
Точно жаръ и бредъ недуга,
Набѣгаетъ вѣтеръ съ юга.
Шелестя и торопливо
Волны вѣтра ловить нива,
Страстнымъ шепотомъ привѣта
Провожаетъ ихъ,—и мнится:
Ночь прощается тоскливо
Съ лаской пламеннаго лѣта,
Разметалась и томится...

Блескъ зарницъ ей точно снится,
Мракъ растеть надъ ней кошмаромъ.

И когда всю степь пожаромъ
Красный сполохъ озаряетъ,—
Въ полѣ чей-то призракъ темный,
Величавый и огромный,
На мгновенье вырастаетъ,
Чьи-то очи ярко блещутъ,
Содрогаясь отъ усилья,
И раскинутыя крылья
За плечомъ его трепещутъ.

Какъ тотъ блескъ ее пугаетъ!
Точно въ страхѣ пробѣгаетъ
Знойный шелестъ по бурьяну...
Быть большому урагану!
Ужъ надъ этимъ смутнымъ шумомъ
Все слышнѣй, какъ за горою
Дальній громъ ворчитъ порою,
Какъ въ величїи угрюмомъ,
Потрясая своды неба,
Онъ проходитъ тяжкимъ гуломъ
Надъ шумящимъ моремъ хлѣба...

Скоро бѣшенымъ разгуломъ
Въ полѣ вѣтеръ понесется,
Скоро громъ смѣлѣе грянетъ,
Жуткимъ блескомъ даль зажжется,

Ночь испуганно воспрянетъ,
Ночь порывисто очнется —
И обильными слезами
Вся тоска ея прольется!

А на утро надъ полями
Солнце грустно улыбнется,—
Озарить ихъ на прощанье,
И на нивы, на селенье
Ляжетъ кроткое смиренье
Тишины и увяданья.

ВЪ ПЛАВНЯХЪ.

Тамъ, на припекѣ, спять рыбацкіе ковши;
Тамъ низко надъ водой склоняются кистями
Темнозеленые густые камыши;
Полдневный вѣтерокъ змѣистыми струями

Порой зашелеститъ въ ихъ потайной глуши,
Да чайка вдругъ блеснетъ, какъ серебромъ, крылами
Съ плаксивымъ возгласомъ тоскующей души —
И снова плавни спять, сіяя зеркалами.

Надъ тонкимъ ихъ стекломъ, гдѣ тонетъ небосводъ,
Нерѣдко облако восходитъ и глядится
Блισταющимъ столбомъ въ зеркальный сонъ болотъ...

И какъ свѣтло тогда въ бездонной чашѣ воды!
Какъ дѣтски вѣрится, что въ безднѣ ихъ таится
Какой-то дивный міръ, что только въ дѣтствѣ снится!

КОСОГОРЪ.

Косогоръ надъ разлужьемъ и пашни кругомъ,
Потускнѣвшій закатъ, полумракъ...
Далеко за извалами крестъ надъ холмомъ—
Неподвижный вѣтрякъ.

Какъ печальна заря! И какъ долго она
Тлѣветъ въ сонномъ просторѣ равнинъ!
Вотъ чуть внятная дѣвичья пѣсня слышна...
Вотъ заплакала лунь... И опять тишина...
Ночь, безмолвная ночь. Я одинъ.

Я одинъ, а вокругъ темнота и поля,
И ни звука въ просторѣ ихъ нѣтъ...
Точно проклятъ тотъ край, тотъ народъ, гдѣ земля
Такъ пустынна ужъ тысячу лѣтъ!

НА РАСПУТЬИ.

В. М. ВАСНЕЦОВУ.

На распути въ дикомъ древнемъ полѣ
Черный воронъ на крестѣ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на волѣ,
И въ травѣ заржавѣлъ старый щитъ.

На распути люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бѣдъ готовить, и едва ли
Ты по немъ воротишься домой.

«Путь направо безъ коня оставить,—
Побредешь одинъ и сиръ, и нагъ,—
А того, кто влѣво путь направитъ,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ».

Жутко мнѣ! Вдали стоятъ могилы,—
Въ нихъ бывшее дремлетъ вѣчнымъ сномъ...
«Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѣ путь въ краю глухомъ.

«Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жарь-Птицы,—
Укажи мнѣ ключъ живой воды,

«Свѣтлый ключъ, который воскрешаетъ
Усыпленныхъ мертвою водой
И цвѣтами степи украшаетъ,
Призывая къ жизни молодой!»

Но молчить угрюмо воронъ вѣщій,
Неподвижно на крестѣ сидитъ
И угрюмо, зоркій и зловѣщій,
На меня и на коня глядитъ.

Дремлетъ полдень. На тропахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ итти?

Гдѣ равнина дикая граничитъ?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?

И ужели нѣтъ пути иного,
Гдѣ бы могъ пройти я, не губя
Ни надеждъ, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?

Вѣсть поле тишиной великой.
Мертвецы въ могилахъ древнихъ спятъ.
Очаровавъ красотою дикой,
Опускаю я покорно взглядъ.

Вижу я курганы въ тихомъ полѣ...
Много лѣтъ стоять они, и нѣтъ
Дѣла имъ до нашей бѣдной доли,
До мгновенныхъ радостей и бѣдъ!

И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветь, а смерть въ глаза глядить...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный, на крестѣ сидить.

Р А З С В Ъ Т Ъ .

Тихъ и чутокъ предразсвѣтный часъ,
Полны тайны утреннія зори!
На востокъ, точно въ свѣтломъ морѣ,
Блескъ звѣзды играетъ, какъ алмазь.

Высоко поднялся и бѣлѣетъ
Полумѣсяцъ въ блѣдныхъ небесахъ.
Сумракъ ночи прячется въ лѣсахъ,
Изъ долинъ зеленыхъ утромъ вѣетъ.

Вѣетъ юной радостью съ полей,
Лететь, какъ серебряное пѣнье,
Звонъ костела, слава воскресенья...
Разгорайся, новый день, свѣтлѣй!

Выйди въ небо, солнце, безъ ненастья,
Возродися въ блескъ и теплѣ,
Возвѣсти опять по всей землѣ,
Что вся жизнь—день радости и счастья!

РУССКАЯ ВЕСНА.

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.

Тамъ ужъ на улицѣ—лужи,
Зола и весенняя грязь.
Въ избахъ—угарь, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымясь.

Жмурясь, сидитъ у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи.
Въ избахъ—темно отъ угара,
Туманно и тихо—въ степи.

Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день...
Въ полѣ—тепло и дремотно,
А въ сердцѣ—счастливая лѣнь...

ДИЗА.

Вечернее зимнее солнце
И вѣтеръ межъ сосенъ играютъ,
Алѣютъ снѣга, а въ свѣтлицѣ
Янтарныя пятна мелькаютъ.

Узорныя тѣни отъ сосенъ,
Играя, сквозятъ позолотой
И по столу ходятъ, но тихо
Склонилась она за работой.

На бронзу волосъ, на ланиты,
На пальцы и руки широко
Вечернее льется сіянье,
А думы далеко, далеко!

Тяжелое зимнее море
Грохочетъ за фьордомъ въ утесахъ,
И стелется по вѣтру пѣна
И стынетъ на снѣжныхъ откосахъ;

Качаются съ криками чайки
И падаютъ въ пѣну и таютъ,
Но звонкой весенней слюдой
Давно ужъ откосы блистаютъ!—

Пусть ночи пожарами свѣтятъ
И рдѣютъ закаты, какъ раны,
Пусть вѣтеръ бушуетъ,—онъ съ юга,
Онъ гонитъ на сѣверъ туманы!

Пусть милый далеко,—онъ вѣренъ...
И вотъ на вечернее солнце,
На снѣгъ, на зеленяя вѣтви
Она заглядѣлась въ оконце.

Забыты узоры цвѣтныя,
Забыты точеныя пальцы,
И тихо косою играютъ
Прозрачныя тонкія пальцы.

И тихо алѣютъ ланиты,
Сіяя, какъ снѣгъ, бѣлизною,
И взоры такъ мягки и ярки,
Какъ синее небо весной.

СЪ КУРГАНА.

Дымится поле, развѣтъ бѣлѣтъ,
Въ степи туманной кричатъ орлы,
И дико звонокъ ихъ плачь голодный
Среди холодной плывущей мглы.

Въ росѣ ихъ крылья, въ росѣ бурьяны,
Благоухаютъ поля со сна...
Зарею сладокъ твой бодрый холодъ,
Твой томный голодъ,—твой зовъ, весна!

Ты побѣдила,—вся степь дымится,
Надъ степью властно кричатъ орлы,
И тучи жаркимъ горятъ пожаромъ,
И солнце шаромъ встаетъ изъ мглы!

ЗАПУСТЪНІЕ.

...Домой я шель по скату вдоль Оки,
По перелѣскамъ берегомъ нагорнымъ,
Любуясь сталью вьющейся рѣки
И горизонтомъ, низкимъ и просторнымъ.
Былъ теплый, тихій, сѣренькій денекъ,
Среди березъ желтѣль осинникъ рѣдкій,
И даль луговъ за ихъ прозрачной сѣткой
Синѣла чуть замѣтно—какъ намекъ.
Уже давно въ лѣсу замолкли птицы,
Свистѣли и шуршали лишь синицы.

Я уставалъ,— кругомъ все лѣсъ пестрѣлъ,
Но вотъ на перевалѣ за лощиной
Фруктовый садъ листвою покраснѣлъ
И глянулъ флигель сѣрою руиной.
Глѣбъ отворилъ мнѣ двери на балконъ,
Поговорилъ со мною въ позѣ чинной,
Принесъ мнѣ самоваръ—и по гостинной
Полился нѣжный и печальный стопъ.
Я сбросилъ патронташъ и, отдыхая,
Слѣдилъ, какъ замолкалъ онъ, потухая.

Въ тиши звенѣлъ онъ чистымъ серебромъ,
А я глядѣлъ на клены въ дверь балкона,
На вишенникъ, краснѣвшій подъ бугромъ...
Вдали синѣли тучки небосклона

И умиралъ спокойный сѣрый день,
Межь тѣмъ, какъ въ домѣ, тихомъ, какъ могила,
Неслышно Одиночество бродило
И рѣяла задумчивая тѣнь.
Пѣлъ самоваръ, а комната беззвучно
Мнѣ говорила: «Пусто, братъ, и скучно!»

Въ соломѣ возлѣ печки, на полу.
Лежала груда яблокъ; паутины
Подъ образомъ качались въ углу,
А у стѣны темнѣли клавесины.
Я тронулъ ихъ—и жалобно въ тиши
Раздался звукъ. Дрожащій, романтичный,
Онъ жалокъ былъ, но я душой привычной
Въ немъ уловилъ напѣвъ родной души:
На этотъ ладъ, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки пѣвали.

Чтобъ мракъ спугнуть, я двѣ свѣчи зажегъ
И весело огни ихъ заблестѣли,
И побѣжали тѣни въ потолокъ,
А стекла оконъ сразу посинѣли...
Но отчего мой домикъ при огнѣ
Сталъ и бѣднѣй, и меньше? О, я знаю—
Онъ слишкомъ старъ... Пора родному краю
Смѣнить хозяевъ въ нашей сторонѣ.
Намъ жутко здѣсь. Мы все въ тоскѣ, въ тревогѣ...
Пора подбить послѣдніе итоги.

Печаленъ долгій вечеръ въ октябрѣ!
Любилъ я осень въ тишинѣ Россіи,
Любилъ лѣсокъ багряный на горѣ,
Просторъ полей и сумерки глухія;
Любилъ холодно-сѣрую Оку,

Когда она, теряясь лентой длинной
Въ дали луговъ, широкой и пустынной,
Мнѣ навѣвала русскую тоску...
Но дни идутъ,—наскучило ненастье,
И сердце жаждетъ блеска дня и счастья!

Томить меня нѣмая тишина,
Томить гнѣзда родного запустѣнье...
Я выросъ здѣсь... Но смотреть изъ окна
Заглохшій садъ... Надъ домомъ рѣветъ тлѣнье,
И скупо въ немъ мерцаетъ огонекъ...
Ужъ свѣчи нагорѣли и темнѣютъ,
И комнаты въ молчаньи цѣпенѣютъ,
А ночь долга и новый день далекъ.
Часы стучатъ, и старыи домъ беззвучно
Мнѣ говорить: «Да, безъ хозяевъ скучно!

Мнѣ на покой давно, давно пора...
Поля, лѣса—все глохнетъ безъ заботы...
Я жду веселыхъ звуковъ топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучихъ рукъ и смѣлыхъ голосовъ!
Я жду, чтобъ жизнь,—пусть даже въ грубой силѣ,—
Вновь расцвѣла изъ праха на могилѣ,
Я старъ, я дряхль, и мертвый стукъ часовъ
Мнѣ самому внимать нѣтъ больше мочи
Въ молчаньи осенней долгой ночи!..»

Цѣна:

1.	М. Горькій. Пѣсня о соколѣ. — Пѣсня
о буре вѣстникѣ. — Легенда о Марко...	2 к.
2.	М. Горькій. Человѣкъ	2 „
3.	М. Горькій. Макаръ Чудра	3 „
4.	М. Горькій. О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ,
любителѣ истины.	2 „
5.	М. Горькій. Емельянъ Пилай.	3 „
6.	М. Горькій. Дѣдъ Архипъ и Ленъка.	5 „
7.	М. Горькій. Челкашъ.	7 „
8.	М. Горькій. Старуха Изергиль.	5 „
9.	М. Горькій. Однажды осенью.	3 „
10.	М. Горькій. Мой спутникъ.	6 „
11.	М. Горькій. Дѣло съ застѣжками.	3 „
12.	М. Горькій. На плотахъ.	3 „
13.	М. Горькій. Болесь.	2 „
14.	М. Горькій. Тоска.	10 „
15.	М. Горькій. Коноваловъ.	10 „
16.	М. Горькій. Ханъ и его сыпъ.	2 „
17.	М. Горькій. Супруги Орловы.	12 „
18.	М. Горькій. Бывшіе люди.	12 „
19.	М. Горькій. Озорникъ.	5 „
20.	М. Горькій. Варенька Олесова.	—
21.	М. Горькій. Товарищи.	4 „
22.	М. Горькій. Въ степи.	3 „
23.	М. Горькій. Мальва.	10 „
24.	М. Горькій. Ярмарка въ Голтвѣ.	3 „
25.	М. Горькій. Зазубрина.	3 „
26.	М. Горькій. Скуки ради.	5 „
27.	М. Горькій. Каинъ и Артемъ.	6 „
28.	М. Горькій. Дружки.	4 „
29.	М. Горькій. Проходимецъ.	7 „
30.	М. Горькій. Кирилка.	3 „
31.	М. Горькій. Васька Красный.	5 „
32.	М. Горькій. Двадцать шесть и одна.	5 „

Цѣна:

33. М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича . . .	5 к.
34. М. Горькій. Тюрма.	8 „
35. М. Горькій. Трое.	—
41. Скиталець. Стихотворенія. Книга I.	5 „
42. Скиталець. Стихотворенія. Книга II	6 „
43. Скиталець. Сквозь строй	12 „
44. Скиталець. За тюремной стѣной.	5 „
45. Скиталець. Октава.	12 „
46. Скиталець. Ранняя обѣдня	3 „
47. Скиталець. Полевой судъ.	5 „
51. Л. Андреевъ. Набатъ.	2 „
52. Л. Андреевъ. Ангелочекъ.	3 „
53. Л. Андреевъ. Молчаніе.	3 „
54. Л. Андреевъ. Валя.	3 „
55. Л. Андреевъ. На рѣкѣ	4 „
56. Л. Андреевъ. Въ подвалѣ	3 „
57. Л. Андреевъ. Петька на дачѣ	3 „
58. Л. Андреевъ. У окна.	5 „
59. Л. Андреевъ. Жили-были.	5 „
60. Л. Андреевъ. Въ темную даль.	4 „
61. С. Гусевъ-Оренбургскій. Омѣтъ.	3 „
62. С. Гусевъ-Оренбургскій. Конокрадъ.	2 „
63. С. Гусевъ-Оренбургскій. Миша.	2 „
64. С. Гусевъ-Оренбургскій. Послѣдній часъ.	6 „
65. С. Гусевъ-Оренбургскій. На родину	4 „
66. С. Гусевъ-Оренбургскій. Сквозь преграды.	2 „
67. С. Гусевъ-Оренбургскій. Кахетинка.	3 „
68. С. Гусевъ-Оренбургскій. Бѣдный приходъ	2 „
69. С. Гусевъ-Оренбургскій. Злой духъ.	4 „
70. С. Гусевъ-Оренбургскій. Жалоба.	5 „

	Цѣна
71. А. Серафимовичъ. Въ камышахъ.	3 к
72. А. Серафимовичъ. Местъ.	4
73. А. Серафимовичъ. На льдинѣ.	4
74. А. Серафимовичъ. Степные люди.	5
75. А. Серафимовичъ. Ночью.	3
76. А. Серафимовичъ. Сцѣщикъ.	3
77. А. Серафимовичъ. На заводѣ.	5
78. А. Серафимовичъ. Подъ землей.	6
79. А. Серафимовичъ. Подъ уклонъ.	3
81. А. Купринъ. Дознаніе.	3
82. Н. Телешовъ. Пѣснь о трехъ юношахъ.	3
83. Н. Телешовъ. Противъ обычая.	3
84. Н. Телешовъ. Домой.	3
85. Н. Телешовъ. Хлѣбъ-соль.	3
86. С. Елпатъевскій. Спирька.	8
87. С. Елпатъевскій. Пожалѣй меня.	2
88. С. Елпатъевскій. Присяжнымъ засѣдателемъ.	3
89. Ив. Бунинъ. Стихотворенія.	4
90. К. Бальмонтъ. Стихотворенія.	3
91. С. Юшкевичъ. Невинные.	4
92. С. Юшкевичъ. Убійца.	3
93. С. Юшкевичъ. Кабатчикъ Гейманъ.	7
94. С. Юшкевичъ. Ита Гайне.	—
95. С. Юшкевичъ. Человѣкъ.	—
96. С. Юшкевичъ. Евреи.	—
98. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга I.	—
99. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга II.	—
100. Е. Чириковъ. Евреи.	12

и другія книги.

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ.

Море дремлетъ.

Огромное, лѣниво вздыхающее здѣсь у берега, оно уже уснуло и неподвижно въ дали, облитой голубымъ сіяніемъ луны. Бархатисто-мягкое и черное, оно слилось тамъ съ синимъ южнымъ небомъ и крѣпко спитъ, отражая въ себѣ прозрачную ткань перистыхъ облаковъ, неподвижныхъ и не скрывающихъ собою золотыхъ узоровъ звѣздъ. Кажется, что небо все ниже наклоняется надъ моремъ, желая понять то, о чемъ шепчуть неугомонныя волны, сонно всползая на берегъ.

Горы, поросшія деревьями, фантастически изогнутыми нордъ-остомъ, рѣзкими взмахами подняли свои вершины въ синюю пустыню надъ ними, и сухіе, суровые контуры ихъ округлились, одѣтые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно-задумчивы. Съ нихъ на пышные зеленоватые гребни волнъ упали черныя тѣни и одѣваютъ ихъ, какъ бы желая остановить это единственное движеніе и заглушить немолчный плескъ воды и вздохи пѣны,—всѣ звуки, которые нарушаютъ тайную тишину, разлитую вокругъ вмѣстѣ съ голубымъ серебромъ сіянія луны, еще скрытой за горными вершинами.

— А-ала-ахъ-а-акбаръ!...—тихо вздыхаетъ Надыръ-Рагимъ-Оглы, старый крымскій чабанъ, всегда минорно настроенный, высокій, сѣдой, сожженный южнымъ солнцемъ, сухой и мудрый старикъ.

Мы съ нимъ лежимъ на пескѣ у громаднаго камня, оторвавшагося отъ родной ему горы, одѣтаго тѣнью, поросшаго мхомъ и такого печальнаго, хмураго. На

тотъ его бокъ, который обращенъ къ морю, волны па-
бросали тины и водорослей; обвѣшанный ими камень
кажется привязаннымъ къ узкой песчаной полоскѣ,
отдѣляющей море отъ горъ. Пламя нашего костра освѣ-
щаетъ его со стороны, обращенной къ горѣ, оно вздра-
гиваетъ, и по старому камню, изрѣзанному часто сѣтью
глубокихъ трещинъ, бѣгаютъ тѣни. Онъ кажется ду-
мающимъ и чувствующимъ...

Мы съ Рагимомъ варимъ уху изъ только-что нало-
вленныхъ бычковъ и оба находимся въ томъ исключи-
тельномъ настроеніи, когда все кажется призрачнымъ,
одухотвореннымъ, позволяющимъ проникать въ себя,
когда на сердцѣ такъ чисто, легко и нѣтъ иныхъ же-
ланій, кромѣ желанія думать.

А море ластится къ берегу, и волны звучатъ такъ
меланхолично-ласково, точно просятъ погрѣться къ ко-
стру. Иногда въ общей гармоніи плеска слышится бо-
лѣе повышенная и такая шаловливо-коварная нота—
это одна изъ волнъ посмѣлѣе подползла ближе къ намъ.
Рагимъ уже сравнилъ волны съ женщинами и запо-
дозрилъ ихъ въ желаніи обнять и расцѣловать насъ.

Онъ лежитъ грудью на пескѣ, головой къ морю, и
вдумчиво смотреть въ мутную даль, опершись локтями
и положивъ голову на ладони. Мохнатая баранья шапка
сѣхала ему на затылокъ, и съ моря вѣетъ свѣжестью
въ его высокій лобъ, весь въ мелкихъ морщинахъ. Онъ
философствуетъ, не справляясь, слушаю ли я его, и не
обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, точно онъ
говорить съ моремъ:

— „Вѣрный Богу человѣкъ идетъ въ рай. А кото-
рый не служитъ Богу и пророку? Можетъ, онъ вотъ въ
этой пѣнѣ... И тѣ серебряныя пятна на водѣ, можетъ,
онъ же... кто знаетъ?“

Темное, могуче размахнувшееся море свѣтлѣетъ, мѣ-
стами на немъ появляются небрежно брошенные блики
луны. Она уже выплыла изъ-за мохнатыхъ вершинъ

горь и теперь задумчиво льетъ свой свѣтъ на море, тихо вздыхающее ей навстрѣчу.

— Рагимъ!... Расскажи сказку...—прошу я старика.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Рагимъ, не оборачиваясь ко мнѣ:

— Такъ! Я люблю твои сказки.

— Я тебѣ все ужъ рассказалъ... Больше не знаю...

Это онъ хочетъ, чтобы я попросилъ его. Я прошу.

Хочешь, я расскажу тебѣ пѣсню?—соглашается

Рагимъ.

Я хочу слышать старую пѣсню, и опъ унылымъ речитативомъ, стараясь сохранить своеобразную степную мелодію пѣсни и страшно коверкая русскія слова, рассказываетъ.

I.

„Высоко въ горы вползъ Ужъ и легъ тамъ въ сыромъ ущельѣ, свернувшись въ узелъ и глядя въ море.

„Высоко въ небѣ сіяло солнце, и горы зномя дышали въ небо, и бились волны внизу о камень...

„И по ущелью, во тьмѣ и въ брызгахъ, потокъ стремился навстрѣчу морю, скача черезъ камни.

„Весь въ бѣлой пѣпѣ, сѣдой и сильный, онъ рвалъ гору и падалъ въ море, сердито воя.

„Вдругъ въ то ущелье, гдѣ Ужъ свернулся, палъ съ неба Соколъ съ разбитой грудью, въ крови на перьяхъ...

„Съ короткимъ крикомъ онъ палъ на землю и бился грудью въ безсильномъ гнѣвѣ о твердый камень...

„Ужъ испугался, отползъ проворно, но скоро появля, что жизни птицы двѣ-три минуты...

„Подползъ онъ ближе къ разбитой птицѣ и прошипѣлъ онъ ей прямо въ очи:

— „Что умираешь?

— „Да, умираю!—отвѣтилъ Соколъ, вздохнувъ глубоко.—Я славно пожилъ!... Я знаю счастье!... Я храбро бился!... Я видѣлъ небо... Ты не увидишь его такъ близко!... Эхъ, ты, бѣдняга!

— „Ну что же небо?—пустое мѣсто... Какъ мнѣ тамъ ползать? Мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!

„Такъ Ужъ отвѣтилъ свободной птицѣ и усмѣхнулся въ душѣ надъ нею за эти бредни.

„И такъ подумалъ: „летай или ползай, конецъ извѣстенъ: всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ...“

„Но Соколъ смѣлый вдругъ встрепенулся, привсталъ немного и по ущелью повелъ очами.

„Сквозь сѣрый камень вода сочилась, и было душно въ ущельѣ темномъ и пахло гнилью.

„И крикнулъ Соколъ съ тоской и болью, собравъ всѣ силы:

— „О, если бъ въ небо хоть разъ подняться!... Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бъ моей онъ кровью!... О, счастье битвы!...

„А Ужъ подумалъ: „должно быть, въ небѣ и въ самомъ дѣлѣ пожить пріятно, коль онъ такъ стонетъ!...“

„И предложилъ онъ свободной птицѣ: „А ты по двинься на край ущелья и внизъ бросайся“.

„Быть можетъ, крылья тебя поднимутъ и поживешь еще немного въ твоей стихіи.

„И дрогнулъ Соколъ и, слабо крикнувъ, пошелъ къ обрыву, скользя когтями по слизи камня.

„И подошелъ онъ, расправилъ крылья, вздохнулъ всей грудью, сверкнулъ очами и внизъ скатился.

„И самъ, какъ камень, скользя по скаламъ, онъ быстро падалъ, ломая крылья, теряя перья...

„Волна потока его схватила и, кровь омывши, одѣла въ пѣну, умчала въ море.

„А волны моря съ печальнымъ ревомъ о камень бились... И тупа птицы не видно было въ морскомъ пространствѣ...

II.

„Въ ущельи лежа, Ужъ долго думалъ о смерти птицы, о страсти къ небу.

„И вотъ взглянулъ онъ въ ту даль, что вѣчно ласкаетъ очи мечтой о счастье.

— „А что онъ видѣлъ, умершій Соколъ, въ пустынѣ этой безъ дна и края? Зачѣмъ такіе, какъ онъ, умерши смущаютъ душу своей любовью къ полетамъ въ небо? Что имъ тамъ ясно? А я вѣдь могъ бы узнать все это, взлетѣвши въ небо хоть не надолго.

„Сказалъ и—сдѣлалъ. Въ кольцо свернувшись, онъ прынулъ въ воздухъ и узкой лентой блеснулъ на солнцѣ.

„Рожденный ползать—летать не можетъ!... Забывъ объ этомъ, онъ палъ на камни, но не убился, а разсмѣялся...

— „Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она—въ паденьи!... Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу. Зачѣмъ же гордость? Зачѣмъ укоруы? Затѣмъ, чтобъ ея прикрыть безумство своихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни? Смѣшныя птицы!... Но не обмануть теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи!... Я самъ все знаю! Я—видѣлъ небо... Взлеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Пусть тѣ, что землю любить не могутъ, живутъ обманомъ... Я знаю правду. И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье—землей живу я.

„И онъ свернулся въ клубокъ на камнѣ, гордясь собою.

„Блестѣло море все въ яркомъ свѣтѣ, и грозно волны о берегъ бились.

„Въ ихъ львиномъ ревѣ гремѣла пѣсня о гордой птицѣ, дрожали скалы отъ ихъ ударовъ, дрожало небо отъ грозной пѣсни:

„Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!

„Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни!

смѣлый Соколы! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью.. Но будетъ время—и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердець зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!

„Пускай ты умерь!... Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!

„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!...“

...Молчить опаловая даль моря, меланхолично плещутъ волны на песокъ, и я молчу, глядя на Рагима, кончившаго рассказывать морю пѣсню о Соколѣ. На водѣ все больше серебряныхъ пятенъ отъ лунныхъ лучей... Нашъ котелокъ тихо закипаетъ.

Одна изъ волнъ игриво вскатывается на берегъ и, вызывая шумъ, ползетъ къ головѣ Рагима.

— Куда идешь?... Пшла!—махнетъ на нее Рагимъ рукой, и она покорно скатывается обратно въ море.

Мнѣ нимало не смѣшна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющаго волны. Все кругомъ смотритъ странно-живо, мягко, ласково. Море такъ внушительно спокойно, и чувствуется, что въ свѣжемъ дыханіи его па горы, еще не остывшія отъ дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По темно-синему небу золотымъ узоромъ звѣздъ написано нѣчто торжественное, чарующее душу, смущающее умъ сладкимъ ожиданіемъ какого-то откровенія.

Все дремлетъ, но дремлетъ напряженно-чутко, и кажется, что вотъ въ слѣдующую секунду все встрепенется и зазвучитъ въ стройной гармоніи неизъяснимо сладкихъ звуковъ. Эти звуки расскажутъ про тайны міра, разъяснятъ ихъ уму, а потомъ погасятъ его, какъ призрачный огонекъ, и увлекутъ съ собой душу высоко въ темно-синюю бездну, откуда навстрѣчу ей трепетные узоры звѣздъ тоже будутъ звучать дивной музыкой

ПѢСНЯ О БУРЕВѢСТНИКѢ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ, и тучи слышать радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ—жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышать тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей,—стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ,—имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глухой пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ... Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ, и поютъ, и пляшутъ волны въ высотѣ навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объѣтемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ,—гордый, черный демонъ бури,—и смѣется, и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома,—чуткій демонъ,—онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца,—нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненные мѣби, вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды.

Пусть сильнѣе грянетъ буря!...

ЛЕГЕНДА О МАРКО.

Въ лѣсу надъ рѣкой жила фея.
Въ рѣкѣ она часто купалась;
Но разъ, позабывъ осторожность,
Въ рыбацкія сѣти попалась.
Ея рыбаки испугались...
Но былъ съ ними юноша Марко:
Схватилъ онъ красавицу фею
И сталъ цѣловать ее жарко.
А фея, какъ гибкая вѣтка,
Въ могучихъ рукахъ извивалась,
Да въ Марковы очи глядѣла
И тихо чему-то смѣялась...

Весь день она Марко ласкала;
А какъ только ночь наступила,
Пропала веселая фея;
У Марко душа загрустила...
И дни ходитъ Марко и ночи
Въ лѣсу надъ рѣкою Дунаемъ,
Все ищетъ, все стонетъ: „Гдѣ фея?“
А волпы смѣются: „Не знаемъ“.
Но онъ закричалъ имъ: „Вы ляжете!
Вы сами играете съ нею!
И бросился юноша глухой
Въ Дунай, чтобъ пайти свою фею.

Купается фея въ Дунаѣ,
Какъ раньше до Марко купалась;
А Марко ужъ нѣту... Но все-же
О Марко хоть пѣсня осталась.

.
А вы на землѣ проживете,
Какъ черви слѣпые живутъ:
Ни сказокъ про васъ не расскажутъ,
Ни пѣсенъ про васъ не споютъ.

Скиталець.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	стр.
Долго я шелъ безъ дороги	3
Я о томъ и пою, что я видѣлъ и зналъ	5
Я бросалъ мои пѣсни въ толпу, какъ цвѣты	6
Ты бѣдна.	7
Тюрьма	9
Мнѣ снилось, что мы пиروвали	12
Портретъ ся мнѣ показали.	14
Мы плыли съ тобою навстрѣчу зарѣ	16
Изъ гулкаго и крѣпкаго металла.	18
Волнами мощными я выброшенъ впередъ.	19
Тѣлами нашими устлали мы дорогу.	20
Легенда	21
Изъ добродѣтелей вы цѣпи мнѣ сковали	23
О, когда бы я витяземъ былъ молодымъ	24
Въ тѣ часы, когда неволью	26
Отъ вашей мерзости спасался я въ пустыню	28
Я и мечъ, и—вмѣстѣ пламя	29

Долго я шелъ безъ дороги...
Умерли отблески дня.
Были въ крови мои ноги.
Ноша давила меня.

Скоро и ночь наступила.
Скрылся надеждъ моихъ рой.
Даже и ты измѣнила,
Муза, разставшись со мной.

На сердцѣ стоны звучали!
Огненной мукой горя,
Падаю!... многіе пали.
Скоро-ль заря?

Бодрая слышатся пѣсни!
Дышетъ свободнѣе грудь!
О, моя муза, воскресни!
Утренней звѣздочкой будь!

Пусть все окутано тьмою,
Ты-же свѣти, говоря:
Утро приходитъ за мною,
Близко заря!

Сумракъ блѣднѣетъ и таетъ,
Въ сердцѣ надежда горитъ:
Истина все побѣждаетъ,
Истина все побѣдитъ!

Я о томъ и пою, что я видѣлъ и зналъ:
Правда пѣсню мою вызываетъ.
Въ сердцѣ струны мои—я не пѣлъ бы—молчалъ:
Жизнь по сердцу меня ударяетъ.

Знайте: если я пѣлъ о тяжеломъ трудѣ—
То и самъ подъ ярмомъ задыхался.
Если пѣсня звучала проклятьемъ нуждѣ—
Знайте:—вмѣстѣ я съ нею скитался.

Коли злобой горѣлъ—пѣлъ про васъ и себя.
Если пѣсня звучала любовью—
То любилъ и страдалъ и ту пѣсню, любя,
Вырывалъ изъ души моей съ кровью.

Если-жъ битвы я пѣлъ на гремучихъ струнахъ—
Знайте:—самъ я сражался съ врагами,
Видѣлъ все, и потомъ, на веселыхъ нирахъ,
Звонкій мечъ замѣнялъ я струнами.

* * *

Я бросалъ мои пѣсни въ толпу, какъ цвѣты,
Какъ виномъ, опьяненный мечтами.
Но въ тревогахъ ничтожной своей суеты
Люди ихъ растоптали ногами.

Тѣ погибшія пѣсни, какъ утромъ заря,
Были юною свѣжестью полны.
Въ жаркомъ сердцѣ онѣ выросали, горя,
И шумѣли, какъ вѣшнія волны.

Лучезарному дню шли навстрѣчу онѣ,
Золотые лучи обѣщали.
Но давно уже радость умолкла во мнѣ,
И напѣвы любви отзвучали.

И теперь мои пѣсни—что сумракъ почной,
Словно вечеръ печальный и блѣдный,
Словно длинныя тѣни легли надъ душой,
Словно слышится колоколь мѣдный.

Но любятся часто печалью моею,
Претворенной въ пѣвучіе звуки,
И плѣняется сердце счастливыхъ людей.
Красотою несчастья и муки.

* * *

Ты бѣдна... Трудомъ, нуждою
Лишена любви...
Какъ исколоты иглою
Пальчики твои!

Но смѣешься ты, безстрастно
Молодость губя...
Весела ты и прекрасна:
Я люблю тебя!

Слышишь? сердце, словно молотъ,
Бьется въ грудь мою!
Что борьба намъ? что намъ голодъ?
Крѣпко я кую!

Дай мнѣ блѣдненькую ручку,
Дай тебя обнять:
Я тебя, какъ солнце тучку,
Буду цѣловать!

Обниму тебя, какъ пламя
Сосенку въ лѣсу!
Пусть нужда до гроба съ нами:
Все перенесу!

Ждутъ страданья насъ, какъ звѣри...
Мы пойдемъ, любя...
До могильной нашей двери—
Я люблю тебя!

Тюрьма.

Колодезь каменный, гдѣ долженъ обитать я.
Высасываетъ кровь и дѣйствуетъ, какъ ядъ.
Куда ни кинешь взоръ, со стѣнъ кругомъ гремятъ
Лишь цифры мрачныя, да злобныя проклятья.
Поднявшись до окна по каменнымъ уступамъ.
Я вижу дворъ тюрьмы съ высокою стѣной,
А у стѣны сидить съ лицомъ угрюмо глупымъ
Съ лубочной сказкою сонливый часовой.
Бумага сѣрая дрожитъ въ его рукѣ
Мозолистой, большой и заскорузло-грязной.
Погода чудная... И на его птыкѣ
Лучъ солнца лѣтняго горитъ звѣздой алмазной.

Преступники въ окно бросаютъ мнѣ «цидулки»
И просятъ у меня на память имъ «стишокъ».
«Идемъ мы въ каторгу, до самой Барнаулки»,—
Такъ пишутъ мнѣ они: я отказать не могъ.
И мыслью той горжусь, что съ иѣснеею поэта,
Привязанной на крестъ, прижавъ ее къ груди,
Они пойдутъ туда, на край печальный свѣта,
Гдѣ нѣтъ уже надеждъ, гдѣ—смерть лишь впереди.

Тамъ, въ темныхъ рудникахъ, гдѣ солнышко не свѣтитъ,
Гдѣ алая заря не всходитъ никогда,
Быть можетъ, гѣсня имъ, какъ звукъ родной, отвѣтитъ
И сердце облегчитъ подъ тяжестью труда.

Порой они поютъ... Ихъ гѣснь меня тревожить:
Они поютъ тюрьму, что пьетъ изъ сердца кровь,
И цѣни мрачныя, что ихъ, какъ змѣи, гложутъ,
Прощанье съ родиной, разлуку и любовь.
Поютъ про Сахалинъ, гдѣ море бьетъ о скалы,
Про дикую тайгу, скитанія бродягъ,
Поютъ о каторгѣ, о темныхъ рудникахъ
И о волнахъ обманчивыхъ Байкала.

Въ душѣ у нихъ живетъ всегда тоска глухая,
Но нѣтъ ея со мной въ тюремной тишинѣ.
Здѣсь та, кого люблю, какъ свѣтлый ангелъ рая,
Вьтаетъ надо-мной и свѣтитъ въ душу мнѣ.
Мнѣ снится, что тюрьма, какъ солнцемъ, освѣтилась,
И милая ко мнѣ, сіяя, подошла,
Рукой коснулася до жаркаго чела
И съ рѣчью ласковой надъ узникомъ склонилась.
Прильнувъ къ ея рукѣ, хочу ей все сказать
И въ долгій поцѣлуй вложить съ кипучей страстью
Весь жаръ моей души, что такъ могла страдать
И никогда не знала счастья.

И говорю я ей: мой съ дѣтства грустенъ путь.
Вся юность протекла безъ свѣта, безъ дороги.
Теперь-же мой удѣлъ—неволя и остроги,
И цѣпи черныя сосутъ и давятъ грудь.
Всей бури чувствъ моихъ, всей страстной жажды мщенья
Не понимаешь ты, безпечное дитя,
И счастье любви отдашь тому, шутя,
Кому даны въ удѣлъ—покой и наслажденье.
Я знаю, жизнь моя, кипучестью свободной
Меня лишь одного сжигая и губя,
Душѣ твоей чужда, ты проживешь холодной,
Не загорисься ты, твой мертвый міръ любя.
Дитя богатства ты, ты—музыка и звуки,
Удѣлъ твой счастье, а мой—тюрьма и муки,
Но все-же я—люблю тебя!

* * *

Мнѣ снилось, что мы пиروвали
Всѣ вмѣстѣ у берега моря.
Мы пѣли, а волны звучали,
Какъ струны, намъ весело вторя.

Но кто-то изъ нашего круга
Отсутствовалъ въ этомъ собраньи.
Спросилъ я: „ждемся-ли друга?“
Тогда наступило молчанье.

И всѣ указали согласно
На волны со вздохомъ печальнымъ:
Лежалъ подъ водой онъ такъ ясно,
Какъ будто подъ сводомъ хрустальнымъ.

„Спасайте! спасти еще можно!“
Вскричалъ я товарищамъ грозно.
И мнѣ отвѣчали тревожно,
Чуть слышно и жалобно: „поздно!“

Мнѣ снилось, что онъ уже съ нами,
Но въ лица взглянуть намъ не смѣть:
Онъ мертвыми смотритъ очами,
И жалость въ сердцахъ нашихъ зрѣть.

Въ томъ другѣ, какого мы знали
И въ этомъ — все было такъ розно!
„Будь прежнимъ!“ всѣ хоромъ сказали.
И тихо онъ вымолвилъ: „поздно!“

Портретъ ея мнѣ показали...
И всѣ восхищались ею:
Одни въ ней „мечту“ увидали,
Другіе—въ ней видѣли „фею“.
Тяжелую косу хвалили
И брови, и стройную талью,
И чудныя очи, что были
Нездѣшнею полны печалью.
Я молча стоялъ у портрета
И слушалъ звенящія рѣчи.
И билося сердце поэта
Отъ жажды чарующей встрѣчи.
Но тѣнь одинокой печали
Въ душѣ моей грозно возстала
И рѣчи ея зазвучали,
И страстно она прошептала:
„Она такъ чиста и прекрасна
Затѣмъ, что въ грязи твои братья,
Что сестры погибли безгласно,
Что жизнь твоя—зло и проклятье!
Ты съ нею не долженъ быть вмѣстѣ,
Бѣги разслабляющей встрѣчи:
Ты призванъ судьбою для мести,
Ты созданъ для бури и сѣчи.“

Будь голосомъ Бога живого!
Пѣснь жарче любви и прелестнѣй!
Ты встрѣтишься съ милою снова—
Въ доспѣхахъ, съ булатною пѣсней!
При блескѣ мечей и пожаровъ
Смертельныя будутъ объятья,
И пусть отъ желѣзныхъ ударовъ
Рабы ея гибнуть и братья!
И только, когда, умирая,
Падешь ты при громѣ и дымѣ,
Прошепчешь, свой мечъ выпуская,
Прелестное, нѣжное имя.

* * *

Мы плыли съ тобою навстрѣчу зарѣ.
Могучее море плескалось.
Прибой отдаленный бѣлѣлъ въ серебрѣ,
И въ морѣ заря отражалась.

И брызги морскія горѣли зарей.
Валь розово-синій вздымался.
Казалась наша ладья золотой
И пурпурнымъ парусъ казался.

Ко мнѣ головой прилегла ты на грудь
И крѣпко меня обнимала.
Я — правилъ и прямъ былъ свободный нашъ путь
Все дальше, гдѣ солнце вставало.

Пылала заря на щекахъ у тебя.
Я молча тебѣ улыбнулся.
„Не сонъ-ли все это?“ сказалъ я, любя,
И только сказалъ, какъ проснулся.

Опять я въ тюрьмѣ. Миѣ улыбку даря,
Вверху, сквозь рѣшетку оконца,
Въ сырой казематъ заглянула заря.
Предвѣстница пышнаго солнца.

* * *

Изъ гулкаго и крѣпкаго металла
Я вылить былъ гудѣть и призывать, звеня.
Но грудь разбили мнѣ: печаль въ ней зазвучала.
И на землѣ, въ пыли, оставили меня.
У храма, на горѣ, лежалъ я бесполезно.
Товарищи мои встрѣчали свѣтлый день.
И разбудилъ меня судьбы ударъ желѣзный
И весь я загудѣлъ, катясь въ почную тѣнь.
И въ пропасть я лечу съ моимъ послѣднимъ звономъ.
Путь разрушенія дымится вслѣдъ за мной.
Какъ мячъ, я прыгаю по скаламъ съ мѣднымъ стономъ
И эхо звонкое мнѣ вторить за горой.
И чѣмъ сильнѣй ударъ жестокаго паденья,
Тѣмъ выше прыгаю, тѣмъ я слышнѣй кругомъ
И веселѣй пляшу подъ звуки погребенья,
Подъ мѣдный благовѣсть и подъ набатный громъ.

* * *

Волнами мощными я выброшенъ впередъ.
На твердомъ берегу лежу я одиноко.
А море, какъ органъ, побѣдный гимнь поетъ
И грудь его опять вздымается высоко.
Но въ мертвой глубинѣ, гдѣ тихо и темно,
Гдѣ властно мракъ простеръ тяжелыя объятъ,
Гдѣ все придавлено и въ сонъ погружено—
Мои остались братья!

И снится мнѣ, что сквозь прозрачную струю,
Я вижу, какъ они стремятся къ свѣту, къ жизни,
И вижу гибель ихъ въ отчаянномъ бою,
И плачу я, и рвусь къ покинутой отчизнѣ.
Гремучій валъ морской примчалъ меня сюда,
Мнѣ душу раскололъ и вызвалъ стонъ проклятъя:
Мой умъ на высотѣ, но сердце тамъ всегда,
Гдѣ братья!

* *
* *

Тѣлами нашими устлали мы дорогу,
И кровью нашихъ жилъ спаяли вамъ мосты.
Мы долго, молча шли, взывая только къ Богу,
И намъ во слѣдъ легли могилы и кресты.

Порабощенные, мы, съ петлею на шеѣ,
Въ цѣпяхъ, во тьмѣ—брели безъ пѣсенъ боевыхъ...
Погибло много насъ, зато теперь—свѣтлѣе,
И вотъ идете вы, рать новыхъ, молодыхъ.

Такъ много васъ теперь, что дрогнуло все злое...
Идетъ гроза небесъ, близка борьба громовъ.
И ваша пѣснь звучитъ, какъ предъ началомъ боя
Въ горящемъ городѣ набать колоколовъ.

Идите же смѣлѣй и пойте пѣснь свободы.
Вѣдь только для нея, страдая, гибли мы.
Лишь этихъ пѣсенъ мы въ былые дни невзгоды
Такъ страстно жаждали подъ сводами тюрьмы!

Легенда.

Раввинъ Бенъ-Нафтали говорилъ въ печали,
Что живетъ на небѣ ужъ давно Мессія—
Во дворцѣ, на тронѣ, въ золотой коронѣ,
Только—онъ закованъ въ цѣпи золотыя.
«Для чего-же цѣпи?» я спросилъ невольно.
Съ хитрою улыбкой онъ, вздохнувъ, отвѣтилъ:
«Цѣпь необходима, хоть ему и больно,
Не всегда Мессія радостенъ и свѣтелъ.
Миръ своею злобой, торжествомъ порока
Тамъ его выводитъ часто изъ терпѣнья—
И не будь онъ скованъ,—онъ придетъ до срока,
Ранѣе, чѣмъ нужно для освобожденья.
Онъ силенъ и молодъ, и хорошъ собою,
Со слугами шутить, позабывъ капризы.
Слуги ему чешутъ шелковыя кудри,
Одѣваютъ съ пѣньемъ въ пурпурныя ризы.
А когда одѣнутъ—книгу раскрываютъ,
Книгу, гдѣ извѣстны всѣ дѣянья свѣта,
И ее Мессія каждый день читаютъ.
И о всемъ Мессія скажетъ книга эта:
О людскихъ злодѣйствахъ, о людскихъ порокахъ,
О войнѣ и мирѣ, рабствѣ и свободѣ,

Слышитъ о вождахъ онъ, слышитъ о пророкахъ...
Но когда онъ слышитъ о своемъ народѣ,
Объ его страданьяхъ или униженьи
Изъ-за права жизни, или изъ-за хлѣба—
Онъ порвать пытается золотыя звенья,
Онъ кричитъ—и крикомъ потрясаетъ небо.
И тогда въ испугѣ держать его слуги,
Тихо умоляя кроткими рѣчами,
Что ему для дѣла время не приспѣло,
И Мессія плачетъ горькими слезами.
О, не плачь, прекрасный, о, не плачь, Мессія:
Жаркою любовью къ людямъ пламенѣя,
Ты весь міръ избавишь, не однихъ евреевъ!
О, не обрывайтесь, цѣпи золотыя:
О, держите, цѣпи, юнаго титана,
Чтобы не пришелъ онъ еще слишкомъ рано!

Изъ добродѣтелей вы цѣпи мнѣ сковали.
Изъ твердости моей воздвигнули тюрьму.
И силу мощную, какъ воры, вы украли,
И душу ввергнули въ безрадостную тьму.

Тѣ цѣпи мрачныя, какъ змѣи, сердце гложутъ,
И въ той тюрьмѣ верчу я ваши жернова.
Унылый звонъ цѣпей васъ больше не тревожить.
И вы бросаете мнѣ дерзкія слова.

Но—чувствую—во мнѣ растетъ и зрѣетъ сила.
Чѣмъ больше я терплю, тѣмъ хуже будетъ вамъ.
Пусть свѣта я лишень, но праздникъ вашъ—могила:
На васъ и на себя я опрокину храмъ,

Гдѣ къ богу тьмы вы всѣ сберетесь для моленій
И разомъ отомщу за долгій путь лишеній.

* * *

О, когда-бы я витяземъ былъ молодымъ!
Я-бъ грозой полетѣлъ на крылатомъ конѣ,
Я сказалъ-бы коню: «мой товарищъ, бѣжимъ
Къ затопленной слезами и кровью странѣ,
О, туда, гдѣ великая битва идетъ!..
И мы вырвемъ у смерти несчастный народъ!
Поспѣшимъ, честь поругана!

Если-бъ слуху вести за собой я имѣлъ!
Я-бы кличъ прокричалъ по родной сторонѣ!
Храбрецы отовсюду стеклись-бы ко мнѣ,
Громъ тогда-бы изъ пушекъ моихъ загремѣлъ,
Колыхнулись-бы арміи грозной полки
И сверкнули-бъ на солнцѣ штыки!
Поспѣшимъ! честь поругана!

Если-бъ Богомъ я былъ хоть на день на одинъ!
О, тогда предъ судомъ-бы моимъ до зари
Поравнялся-бы съ бѣднымъ рабомъ господиномъ,
Поблѣднѣли-бы въ пышныхъ чертогахъ цари!

А народу—съ небесъ

Я-бы пролилъ потоки чудесъ!

Послѣшимъ, честь поругана!

Послѣшимъ! но, вѣдь, я только бѣдный пѣвецъ!

О, Владыка небесъ, я зываю къ Тебѣ:

Ты—надежда людей, ты—свободы отецъ!

Дай-же голосъ мнѣ, голосъ, подобный трубѣ,

Чтобы скорбь свою міру я могъ возвѣстить,

Что-бъ я могъ на весь міръ протрубить:

Послѣшимъ, честь поругана!

Въ тѣ часы, когда невольно
За страну родную больно,
Въ тѣ часы, когда я, блѣдный,
Отъ безсилія страдаю
И душой изнемогаю,—
Словно лучъ, въ мой уголь бѣдный
Муза тихо прилетаетъ.
Гордый взглядъ ея не знаетъ
Ни тоски, ни грусти хилой—
Вѣрой свѣтлой онъ пылаетъ,
Дышитъ бодростью и силой.
И тогда я вмѣстѣ съ нею
Жгучимъ гнѣвомъ пламенѣю,
Оживаютъ въ сердцѣ чары,
Въ грудь стучать его удары,
И душа моя объята
Грознымъ заревомъ набата.

А когда въ моей лачугѣ
Ночью станетъ холоднѣе
И въ душѣ проснутся змѣи,
Я живу въ печальномъ кругѣ,
Гдѣ проходятъ хороводы
Грезъ, умершихъ въ дни невзгоды,

И когда, подъ звуки гѣнья,
Звонъ прощальный погребенья
На душѣ волною мѣдной
Отдаленно замираетъ—
Въ тѣ часы въ мой уголь бѣдный
Муза тихо прилетаетъ.

Ахъ! тогда она—ребенокъ:
Взглядъ пугливъ, а голосъ—тонокъ,
И дыханіе короче.
Отъ дождя ненастной ночи,
Что стучить въ мои окошки
Холодненько музѣ-крошкѣ...
Ей заглядывая въ очи,
На колѣняхъ передъ нею—
Я дыханьемъ нѣжно грѣю
Музѣ маленькія ножки.
Тутъ—что только сердце прячетъ—
Все гѣвунѣ открываю:
Муза слушаетъ—и плачетъ.
Слезы катятся, блистая,
Словно жемчугъ, по сорочкѣ...
Я ихъ бережно собираю
И напизываю въ строчки.

* *
*

Отъ вашей мерзости спасался я въ пустыню...
Бороться я не могъ—но ненавидѣлъ васъ.
Въ скитанья грустныя я взялъ мою святыню
И прахъ отъ ногъ моихъ съ презрѣнiемъ отрясъ.

Не покорился я и не ужился съ вами!
Безъ^скрова я бродилъ у волнъ сѣдыхъ морей.
Но, нищій-нигиризмъ, я былъ богатъ мечтами—
И я возсталъ, уйдя въ пустыню отъ людей.

Теперь—вернулся я: долой уединенье!
Я больше не чернецъ, я—грозный мечъ судьбы!
Прочь это рубище печальнаго смиренья:
Хочу я мненья и битвы, и борьбы!

Я собралъ вольницу для буйнаго веселья!
По-прежнему сильна къ вамъ ненависть моя!
Въ уединенiи отшельнической кельи
И въ грохотѣ борьбы—одинъ и тотъ-же я!

* *
* *
* *

Я и мечъ, и—вмѣстѣ—пламя!
Я во тьмѣ свѣтилъ надъ вами.
Я зажегъ у васъ въ груди
Упованья и молитвы
И когда настали битвы—
Я сражался впереди!

И вокругъ меня застыли
Трупы блѣдные друзей.
Кровь лилася какъ ручей—
Но зато—мы побѣдили!

Побѣдили мы—о, да!
Но друзья мои убиты...
Мы несемъ ихъ... И когда
Слышенъ хоръ заукойный—
Съ нимъ и звуки пѣсни стройной
Перемѣшаны и слиты!..

Но—нельзя намъ отдаваться
Ни веселью, ни печали:
Снова трубы зазвучали!
Всѣ живые будутъ драться
Съ ненавистными врагами!..
Я и мечь—и—вмѣстѣ—пламя!

П Е Ч А Т А Е Т С Я

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНИЕ“:

1. М. Горькій. Пѣсня о соколѣ.—Пѣсня о буревѣстникѣ.—Легенда о Марко.
2. М. Горькій. Человѣкъ.
3. М. Горькій. Макарь Чудра.
4. М. Горькій. О Чижѣ, который лгалъ, в о Датѣ, любителѣ истины
5. М. Горькій. Емельяпъ Пилый.
6. М. Горькій. Дѣдъ Архипъ и Ленъка.
7. М. Горькій. Челкашъ.
8. М. Горькій. Старуха Изергиль.
9. М. Горькій. Однажды осенью.
10. М. Горькій. Мой спутникъ.
11. М. Горькій. Дѣло съ застѣжкамъ.
12. М. Горькій. На плотахъ.
13. М. Горькій. Болесь.
14. М. Горькій. Тоска.
15. М. Горькій. Коноваловъ.
16. М. Горькій. Ханъ и его сынъ.
17. М. Горькій. Супруги Орловы.
18. М. Горькій. Вывше люди.
19. М. Горькій. Озорникъ.
20. М. Горькій. Варенька Одесова.
21. М. Горькій. Товарищи.
22. М. Горькій. Въ степи.
23. М. Горькій. Мальва.
24. М. Горькій. Ярмарка въ Голтвѣ.
25. М. Горькій. Забурина.
26. М. Горькій. Скуки ради.
27. М. Горькій. Кашъ и Артомъ.
28. М. Горькій. Дружки.
29. М. Горькій. Проходимецъ.
30. М. Горькій. Кирилка.
31. М. Горькій. Васька Красный.
32. М. Горькій. Двадцать шесть и одна.
33. М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича
34. М. Горькій. Турьма.
35. М. Горькій. Трое.

41. Скиталецъ. Стихотворенія. Книга I.
42. Скиталецъ. Стихотворенія. Книга II.
43. Скиталецъ. Сквозь строй.
44. Скиталецъ. За тюремной стѣной.
45. Скиталецъ. Октава.
46. Скиталецъ. Ранняя обѣдня.
47. Скиталецъ. Полевой судъ.

51. Л. Андреевъ. Набатъ.
52. Л. Андреевъ. Ангелочекъ.¹
53. Л. Андреевъ. Молчаніе.
54. Л. Андреевъ. Валя.
55. Л. Андреевъ. На рѣкѣ.

П Е Ч А Т А Е Т С Я

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНИЕ“:

56. Л. Андреевъ. Въ подвалѣ.
 57. Л. Андреевъ. Петька на датѣ.
 58. Л. Андреевъ. У окна.
 59. Л. Андреевъ. Жили-были.
 60. Л. Андреевъ. Въ темную даль.

 61. С. Гусевъ-Оренбургскій. Омѣгъ.
 62. С. Гусевъ-Оренбургскій. Конокрадъ.
 63. С. Гусевъ-Оренбургскій. Миша.
 64. С. Гусевъ-Оренбургскій. Последній часъ.
 65. С. Гусевъ-Оренбургскій. На родину.
 66. С. Гусевъ-Оренбургскій. Сквозь преграды.
 67. С. Гусевъ-Оренбургскій. Кажетинка.
 68. С. Гусевъ-Оренбургскій. Вѣдный вриходъ.
 69. С. Гусевъ-Оренбургскій. Злой духъ.
 70. С. Гусевъ-Оренбургскій. Жалоба.

 71. А. Серафимовичъ. Въ камышахъ.
 72. А. Серафимовичъ. Местъ.
 73. А. Серафимовичъ. На льдинѣ.
 74. А. Серафимовичъ. Степные люди.
 75. А. Серафимовичъ. Ночью.
 76. А. Серафимовичъ. Сдѣвничкъ.
 77. А. Серафимовичъ. На заводѣ.
 78. А. Серафимовичъ. Подъ землей.
 79. А. Серафимовичъ. Подъ уклономъ.

 81. А. Куприянъ Довлапю.
 82. Н. Телешовъ. Пѣсь о трехъ юношахъ.
 83. Н. Телешовъ. Противъ обычая.
 84. Н. Телешовъ. Домой.
 85. Н. Телешовъ. Хлѣбъ-соль.
 86. С. Елпатьевскій. Спирька.
 87. С. Елпатьевскій. Пожалѣй меня.
 88. С. Елпатьевскій. Присяжнмъ засѣдателемъ.
 89. Пв. Вуничъ. Стихотворенія.
 90. К. Вальмонтъ. Стихотворенія.

 91. С. Юшкевичъ. Певяпные.
 92. С. Юшкевичъ. Убийца.
 93. С. Юшкевичъ. Кабатчанкъ Гейманъ.
 94. С. Юшкевичъ. Ита Гайне.
 95. С. Юшкевичъ. Человѣкъ.
 96. С. Юшкевичъ. Еврей.
- и другія книги.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНИЕ“.

	Цѣна
71. А. Серафимовичъ. Въ камышахъ	3 "
72. А. Серафимовичъ. Местъ	4 "
73. А. Серафимовичъ. На льдицѣ.	4 "
74. А. Серафимовичъ. Степные люди.	5 "
75. А. Серафимовичъ. Ночью	3 "
76. А. Серафимовичъ. Сцѣнячикъ	3 "
77. А. Серафимовичъ. На заводѣ.	5 "
78. А. Серафимовичъ. Подъ землей.	6 "
79. А. Серафимовичъ. Подъ уклонъ	3 "
81. А. Куприянъ. Дознаніе.	3 "
82. Н. Телешовъ. Пѣснь о трехъ юношахъ.	3 "
83. Н. Телешовъ. Противъ обычая.	3 "
84. Н. Телешовъ. Домой	3 "
85. Н. Телешовъ. Хлѣбъ-соль.	3 "
86. С. Елпатъевскій. Спирька	8 "
87. С. Елпатъевскій. Пожалѣй меня	2 "
88. С. Елпатъевскій. Присяжникамъ засѣдателемъ	3 "
89. Ив. Бунинъ. Стихотворенія	4 "
90. К. Вальмонтъ. Стихотворенія.	3 "
91. С. Юшкевичъ. Невинные	4 "
92. С. Юшкевичъ. Убійца.	3 "
93. С. Юшкевичъ. Кабатчикъ Гейманъ.	7 "
94. С. Юшкевичъ. Ига Гайне	— "
95. С. Юшкевичъ. Человѣкъ	— "
96. С. Юшкевичъ. Евреи	— "
98. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга I.	— "
99. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга II	— "
100. Б. Чириковъ. Евреи	12 "

и другія книги.